

Глава 19

Несбывшиеся надежды

22 января 1919 года в Киеве выдался погожий зимний день с легким морозом. Ясное небо хорошо видно на одной из первых киноплёнок, снятых в украинской столице. Официальные торжества привлекали кинооператоров уже тогда. Миновал год после того, как Центральная Рада своим четвертым универсалом провозгласила независимость Украины. Теперь те вожди первой УНР, что смогли вернуться к власти, использовали юбилей, чтобы объявить о другом важном событии — объединении в одно государство двух частей Украины, которыми еще недавно владели Романовы и Габсбурги. Они возвели на Владимирской улице, у Софийской площади, триумфальную арку и собрали вече у стен собора, помнившего времена Киевской Руси. Отслужили молебен и провели военный парад. Такие пышные церемонии вызвало событие, полугодом ранее показавшееся бы фантазией украинских интеллигентов, немногочисленных по обе стороны российско-австрийской границы.

Колокола Святой Софии отбивают полдень, и камера показывает нам радостные лица, женщин с цветами и толпы мужчин в военной форме. В центре внимания — Директория

и прежде всего ее глава, высокий, с бородкой, в темном кожаном пальто и шляпе, которой он время от времени машет окружающим. Это Владимир Винниченко, глава Генерального секретариата Центральной Рады. Справа от него идут представители Западно-Украинской народной республики. Парламент бывшей австрийской Галиции поручил им заключить договор о федерации двух республик. Но внимание оператора обращено не столько на Льва Бачинского, вице-президента Национальной рады ЗУНР, и даже не на Винниченко. В первую очередь его интересует невысокий человек средних лет в папахе и башлыке, таких же, как у многих офицеров вокруг. Он попадает в кадр то с сигаретой в зубах, то в момент, когда поправляет одежду и португепю. Это Симон Петлюра — главный атаман армии УНР.

Петлюре было тридцать девять лет (он родился в Полтаве в 1879 году). Подобно Иосифу Джугашвили, который был всего на полгода старше, он ушел в национальную и социальную революцию из духовной семинарии. Но если Джугашвили сменил перо грузинского поэта на карандаш редактора “Правды” и стал Сталиным, то Петлюра остался верен национальной идее и отцовской фамилии. Его избрали в ЦК Украинской социал-демократической рабочей партии. После поражения революции 1905 года Петлюра издавал несколько украинских газет и журналов — сначала в Киеве, затем в Петербурге и Москве, куда перебрался в 1911 году. В начале новой революции он возглавил Украинский генеральный военный комитет, а затем стал генеральным секретарем Центральной Рады по военным делам. Он руководил украинизацией отдельных частей и соединений российской армии. Командовать одним из таких соединений власти доверили генералу Скоропадскому.

На пленке, снятой в Киеве 22 января 1919 года, мы видим Симона Петлюру рядом с Владимиром Винниченко — но друг на друга они не смотрят. Отношения двух политиков оставляли желать лучшего. Их соперничество началось еще до Первой мировой, когда оба играли важную роль в Украинской социал-демократической партии. Винниченко симпатизировал российским большевикам и винил Петлюру в том, что он спровоцировал войну с ними (то есть их вторжение на Украину). В декабре 1917 года, как раз накануне войны, Петлюре пришлось уйти из правительства. Хотя Винниченко и Петлюра вдвоем возглавили восстание против гетмана в ноябре 1918 года, в составе Директории они по-прежнему были соперниками. К началу марта 1919 года просоветский Винниченко уже покинет свой пост и вообще Украину, вернется к писательскому труду. Петлюру в мае того же года изберут главой Директории с огромными полномочиями.

Восхождение Петлюры на вершину власти в то время, когда не только Винниченко, но и Грушевский — центральная фигура на Украине 1917 года — избрали эмиграцию, предопределили политические и военные факторы. Украинская революция перешла в новую стадию, и слова стали значить меньше выстрелов, поэтому резко возросло значение должностей, занимаемых Петлюрой: сначала военного министра, затем главнокомандующего. Зимой 1918–1919 годов, при новой атаке большевиков из России, Симон Петлюра стал ключевой фигурой Директории. 2 февраля, когда и двух недель не прошло после объединения украинских республик, руководству УНР пришлось оставить Киев. Оно переехало в Винницу, затем — в Каменец-Подольский. Не так давно возле этого города проходила российско-австрийская граница, теперь же за Збручем располагалась ЗУНР.

Отступления избежать было нельзя, поскольку армия вновь показала себя не с лучшей стороны. Отряды повстан-

цев, которые в ноябре 1918 года собрались под начало Петлюры, оказались крайне неустойчивы. Против гетмана выступило более 100 тысяч крестьян, но когда настало время держать оборону против большевиков, три четверти из них покинули армию УНР и разошлись по селам, полагая, что сделали свое дело, а республиканские вожди управятся без них. Из тех, кто не ушел, большинство составляло иррегулярные части под командованием атаманов — напоминание о казацкой эпохе. Титул Симона Петлюры, главного атамана, отражал печальный факт: он руководил группой своевольных атаманов, а дисциплинированных частей в его войске было немного. Под ним бушевала атаманская вольница, которую Петлюра и генштаб армии УНР не сумели переплавить в регулярную армию. Лидеры УНР получили широкую народную поддержку в ноябре 1918 года, в начале восстания, но при переходе к строительству государства и созданию вооруженных сил их дилетантизм проявился во всей полноте.

Одними из самых надежных на службе УНР оказались части, образованные галичанами, бывшими австрийскими солдатами, что попали в годы Первой мировой в российский плен, а после Февральской революции поддержали молодую республику. И при Центральной Раде, и при Директории их отличала безупречная дисциплина. В июле 1919 года главный атаман получил новые подкрепления с той же Галичины. Галицкая армия, 50 тысяч бойцов, перешла на левый берег Збруча — реки, что не так давно разделяла империи Габсбургов и Романовых, — и присоединилась к армии УНР на Подолье. Объединение УНР и ЗУНР, провозглашенное в январе 1919 года в Киеве, дало первые зримые результаты. Не было бы счастья, да несчастье помогло — и армия УНР,

и галицкая армия оказались на грани разгрома. Последнюю наступление польской армии вообще вынудило уйти с родной земли.

Как и почему это произошло? Несмотря на потерю Львова в ноябре 1918 года, правительство ЗУНР удержало под контролем почти всю Галичину — населенный украинцами восток и центр бывшего коронного края. Петрушевич и другие создали функциональный бюрократический аппарат, запустили ряд реформ, включая передел земли в пользу крестьян, и сплотили украинцев под лозунгом независимости от Польши. Тяжелым ударом для них стало прибытие на фронт к маю 1919 года армии под началом Юзефа Халлера фон Халленбурга. Шестидесятитысячное войско сформировали во Франции из пленных поляков — австрийских и германских солдат, а также поляков из США. Антанта вооружила их и обмундировала, офицеры частично были французами. “Толубую армию” (по цвету униформы) отправили сражаться против большевиков, но Халлер повел ее в Галицию. Франция протестовала, но Польша отвечала как ни в чем не бывало, что все украинцы — большевики. Галицкой армии не хватало вооружения и офицеров, поэтому летом 1919 года ЗУНР фактически прекратила существовать, а правительству и войску без государства ничего не оставалось, кроме объединения сил с УНР.

Вооруженные силы Украины в целом выглядели внушительно: 50 тысяч в галицкой армии, 35 тысяч в армии УНР и около 15 тысяч повстанцев, чьи атамань сохраняли лояльность Петлюре. Пополнение из Западной Украины давало шанс отбить у большевиков территории на Украине Центральной, если не Восточной. Но единство двух республик, как выяснилось, было непрочным. Консерваторы из руководства ЗУНР косо смотрели на своих коллег-социалистов, командованию галицкой армии претила слабая дисципли-

на недавних повстанцев. Остро противоречили друг другу внешнеполитические цели двух республик.

Октябрьский переворот 1917 года не признала не только Центральная Рада — так же поступили национальные правительства в других углах империи, прежде всего в Прибалтике и на Кавказе. На юге России белые офицеры (добровольцы) и донские казаки объединили силы, чтобы восстановить тот политический и общественный уклад, который низвергли большевики. С большевиками дрались белые армии и казаки в других частях России. Запад — главным образом Британия и Франция — поддержал Деникина, Колчака и других противников Ленина. Вооруженные силы юга России во главе с Деникиным в мае — июне 1919 года перешли в наступление на востоке Украины. Белогвардейцы рвались на север и северо-запад, и это поставило перед руководством УНР трудный вопрос: следовало ли предлагать Деникину союз против большевиков либо видеть в нем очередного врага? Белое движение не только отвергало преобразования социалистов — украинских в том числе, — но и желало уберечь от распада единую и неделимую Россию.

Украинцы с берегов Днестра и Днепра дали разные ответы на этот вопрос. ЗУНР легко могла пойти на союз с противниками большевиков, которые холодно относились к возрожденной Польше. УНР не испытывала к полякам той же неприязни и не исключала альянса против большевиков и белых. Наконец, у атаманов красный флаг вполне еще был в ходу — Красная армия казалась им наиболее естественным ориентиром. Идеология и превратности судьбы собрали этих людей под одним знаменем, но они и дальше воевали каждый за свое дело. 31 августа, когда Киев одновременно заняли украинские и белогвардейские части, галицкий генерал Краус легко отдал столицу тем, кто не признавал независимую Украину. Отношения между Петлюрой и ру-

ководством ЗУНР стали заметно хуже. Затем обе армии — галицкая и УНР — понесли огромные потери от эпидемии тифа. В ноябре настал окончательный разрыв. Командование галицкой армии увело ее на сторону Деникина, полагая, что другого выхода нет. Петлюра же договорился с Польшей.

1919 год начинался на волне надежд — обе украинские республики надеялись отразить врагов, — но закончился катастрофой. К концу года ни ЗУНР, ни УНР не имели территории — а государственность Украины стала призрачной. С украинцами из владений Романовых злую шутку сыграли идеологические распри и плохая организация, галичане же не могли сдержат натиск Польши и получили очень мало помощи от братьев с берегов Днепра. Объединение двух государств и двух армий больше походило на ситуативный военный союз. Длительное пребывание в двух империях с разными традициями наложило глубокий отпечаток на политическую и военную культуру обеих украинских элит, а также их сторонников — как бы горячо те ни верили в принадлежность к одной нации. Впрочем, бедствия 1919 года не заставили их отречься от этой веры.

Три внешних силы сошлись в битве за Украину, когда украинские отряды сложили оружие или дрались в заведомо безвыходном положении. Польша мечтала о восстановлении границ, максимально близких к тем, что имела до 1772 года, поэтому ее армия, удерживая Галичину, продвигалась вглубь Волыни и Подолья. Вооруженные силы юга России, захватив восток и центр Украины, наступали при поддержке Антанты на Москву, надеясь собрать воедино обломки империи даже в отсутствие царя. Программой-максимум большевиков провозглашалась мировая революция, но пока что им надо было просто выжить. Ленин даже не скрывал, что для до-

стижения обеих целей РСФСР были отчаянно необходимы украинские хлеб, руда и уголь.

Из всех режимов, чьи войска бились на Украине в 1919 году, советский оказался наиболее цепким. В руках красных Киев находился дольше всего — с начала февраля по конец августа (16 декабря они заняли его вновь). Но захват столицы и крупных промышленных городов на юго-востоке во все не означал контроля над Украиной вообще. Село не желало признавать “комиссародержавие”. Большевизм отвергали украинские либерал-демократы и социалисты, которые были не против власти Советов как таковой, но не за счет интересов нации. Для народа же, вдохновленного лозунгом “Земля — крестьянам”, холодным душем стала продразверстка. Село вспыхнуло десятками повстанческих очагов. Пожар в тылу оказался летом 1919 года для большевиков не меньшей проблемой, чем наступление белогвардейцев с юго-востока и украинских армий с запада. После разгрома Вооруженных сил юга России зимой 1919–1920 годов Кремль решил учесть ошибки недавнего прошлого.

Ленин сам разъяснил адептам коммунизма суть “уроков 1919 года”: большевики пренебрегли национальным вопросом. Поэтому Красная армия победной зимой не только не уставала напоминать, что Украинская ССР — независимое государство, но и обращалась по мере возможности к ее жителям по-украински. Времена русификации прошли, новая власть приняла культурную программу национальной революции. Подобно тому как империя Романовых открыла двери верхушке духовенства и казачества, большевики пригласили в ряды КП(б)У боротьбистов — бывших украинских левых эсеров и соцдемов, обязанных неформальным названием своему рупору, газете “Боротьба”. Распустив собственную партию и вступив в коммунистическую, они укрепили большевиков со слабой стороны — обеспе-

чили украиноязычные кадры и культурную элиту. Крестьянам наконец-то раздали давно обещанную землю. Весной 1920 года власть положила в долгий ящик планы по созданию коммун и других коллективных хозяйств на бывших помещичьих землях и дала добро на черный передел.

Новая стратегия принесла хорошие результаты. К концу 1920 года большевики сумели взять под контроль центр и восток Украины и отразить последнюю угрозу извне. 25 апреля польские войска, которым помогли несколько дивизий армии УНР, начали наступление на Киев. Пилсудский стремился прикрыть Польшу с востока буферным украинским государством. Первый удар оказался мощным — расстояние от Волыни и Подолья до Днепра прошли за две недели. 7 мая Петлюра в последний раз въехал в Киев, на этот раз в окружении бойцов только армии УНР. ЗУНР и галицкая армия остались в прошлом. И хотя уплаченная им за польский протекторат фактическая цена не заслуживала бы упоминания, символическая жертва оказалась велика. Главный атаман признал польский контроль над Галичиной, оставил соплеменников из бывшей империи Габсбургов один на один с их старым врагом и окончательно похоронил объединение двух украинских республик.

Успех такой комбинации был недолгим. В июне Красная армия нанесла ответный удар и уже 12 июня в пятый раз вступила в Киев. Первая конная армия во главе с Семеном Буденным прорвала фронт, обошла киевскую группировку с юга и сеяла хаос в тылу противника. Красные наступали не только на Украине, но и в Белоруссии, проходя по тридцать километров в день. В августе они заняли северо-восточную Галичину. Впереди лежал Львов, и Сталин, член Реввоенсовета Юго-Западного фронта, твердо намеревался прославиться, овладев этим городом. По иронии судьбы, его защитили не только поляки, но и солдаты УНР, выход-

цы из Центральной и Восточной Украины. Стойкая оборона Львова стала одним из факторов провала советского наступления и благоприятного для Польши исхода войны.

Победное шествие большевиков запнулось в середине августа. Антанта снабдила Польшу новым оружием, ряды ее армии пополнили британские и французские офицеры (среди прочих и Шарль де Голль). Армии Тухачевского удалось остановить на подступах к Варшаве и разгромить — эта битва вошла в историю как “Чудо на Висле”. Одним из чудотворцев оказался Сталин. Он подбил Буденного не выполнять приказ сверху и продолжать драться за Львов, вместо того чтобы идти на выручку войскам под Варшавой. Красная армия спешно откатывалась на восток. В середине октября стороны заключили перемирие. Новый рубеж разрезал пополам Белоруссию и отделил Западную Украину от остальной — полякам достались Волынь и Галичина. Пилсудский все же передвинул границу Польши на восток, но не сумел создать буферное государство с центром в Киеве. Дело возрождения украинской независимости было проиграно, а “Чудо на Висле” положило конец мечтаниям большевиков об экспорте революции в сердце Европы.

Одним из летописцев Советско-польской войны 1920 года стал Исаак Бабель, одесский еврей. Он был свидетелем и участником рывка на запад конницы Буденного, вел дневник и написал затем “Конармию”. Командарм ругал этот сборник рассказов за искажение героического облика подчиненных — там нашлось место зверствам конников и прочим ужасам войны, как и словам о трагедии еврейства на седьмом году непрерывной войны. Только с начала Гражданской прошло почти три года — калейдоскоп смен режима, погромов и опустошений, без передышки на то, чтобы оправить-

ся от “германской”. Больше всех пострадали евреи, которых не щадили ни белые, ни красные, ни поляки, ни армия УНР, ни атаманы.

Украина и страны в черте оседлости вообще повидали уже немало погромов, но теперь преступники были хорошо вооружены. Число жертв выросло во много раз — по Украине осторожная оценка превышает 30 тысяч убитых. Мотивы были все те же: жажда наживы, избавление от конкурентов, религиозные предрассудки и этнический антисемитизм эпохи национальной мобилизации. Впрочем, эпоха революции добавила и новые, идеологические и политические мотивы. С одной стороны, красные на многих евреев наклеили ярлык эксплуататоров, с другой — в них видели горячих отверженцев большевизма.

Трагические события происходили уже весной 1918 года, когда германские и австро-венгерские армии вышли в последний поход на Восточном фронте Первой мировой. Виновниками стали не оккупанты и не армия УНР, а отступающие красные. Христианскую юдофобию сменил праведный гнев пролетариата, так что жертв среди евреев Новгорода-Северского и Глухова записали в “буржуи”. В начале 1919 года, когда большевики, тесня Директорию, занимали Центральную Украину, части украинской армии устроили ряд погромов. Среди них был и кровавый проскуровский погром (в нынешнем Хмельницком), который унес жизни более полутора тысяч евреев. Весной того же года еще более жестокие удары по ним нанесли отряды Григорьева, Зеленого и других атаманов, которые никому не подчинялись — как правило, грабеж для них был важнее любой идеологии. К осени подросли белогвардейцы, которые свирепствовали под лозунгом “Бей жидов, спасай Россию”. Эти злодеяния оставили по себе жуткую память в городе Фастове, где в сентябре 1919 года убили тысячу мирных жителей. В це-

лом на белогвардейцах лежит вина за каждый пятый погром, на красных — за каждый десятый, на атаманах — за каждый четвертый, на петлюровцах — за два из пяти. Армия УНР нападала на евреев чаще всего. Белогвардейские погромы выделяются в двух аспектах: массовыми групповыми изнасилованиями и тем, что командование не карало никого за эксцессы и даже подстрекало к ним. Единственной армией, чьих солдат евреям в общем-то нечем попрекнуть, была галицкая.

В штетлах Украины возникали отряды самообороны. Им было по плечу отбить набеги повстанцев, но, конечно же, они не могли противостоять частям регулярных войск. Еврейская молодежь тысячами шла в Красную армию. Предреволюционер Лев Троцкий родился на Украине, и многие тут видели в нем символ еврейского большевизма. Впрочем, симпатии к красным среди евреев одной фигурой Троцкого не объяснить. Революционеры из черты оседлости играли важную роль в партиях эсеров и социал-демократов (меньшевиков в том числе). Позднее динамика погромов показала, что Красной армии евреям стоило бояться меньше, чем ее заклятых врагов. Вот почему так типична для молодого украинского еврея биография Бабеля, который недолгое время служил в ЧК, а затем побывал в Первой конной как политработник и журналист.

Погромы 1919 года положили конец украино-еврейскому сотрудничеству начального этапа революции и превратили Петлюру в олицетворение украинского погромного антисемитизма. Этот ярлык прилип к нему еще крепче, когда в 1926 году Шолом Шварцбард, бывший красный командир, застрелил главного атамана в Париже. Многие убеждены, что убийство вождя украинской политической эмиграции — операция ОГПУ. Однако Шварцбард утверждал, что действовал сам и просто мстил за родственников, погибших в ходе погромов. Французский суд оправдал убийцу.

Надо ли возлагать на Петлюру ответственность за погромы? Симон Петлюра, который в 1919 году возглавил почти что красную Директорию, задолго до революции стал социал-демократом и убежденным интернационалистом, как было принято в этой среде. Он разделял взгляд Грушевского и других лидеров Центральной Рады на евреев как природных союзников украинцев в борьбе против классового и национального угнетения. Это отразилось на распоряжениях главного атамана армии УНР. В приказе от 26 августа 1919 года читаем: “Время уже понять, что мирное еврейское население — их дети, их жены, так же как и мы, — было поработщено и лишено своей национальной свободы. Ему некуда идти от нас; оно живет с нами с давних пор, разделяя с нами нашу судьбу и невзгоды <... > Всех, кто будет подстрекать вас на погромы, решительно приказываю выбрасывать прочь из нашей армии и отдавать под суд как предателей Отчизны”¹.

Для Петлюры злодеяния против евреев были изменой делу Украины. К сожалению, указы он издавал куда эффективнее, чем карал преступников. Ивана Семосенко, командира бригады и виновника проскуровского погрома в феврале 1919 года, расстреляли по приказу главного атамана лишь в марте 1920 года — слишком поздно, чтобы остановить погромную волну в армии. Петлюра неохотно следил за выполнением своих приказов, понимая, как хрупка его власть над человеком с ружьем. Причины массового участия его войск в погромах были те же, что привели к краху украинской независимости, — слабая дисциплина и несознательность. Идеологов вроде Петлюры вынесло на гребень волны крестьянского бунта, который с точки зрения организованного национального движения вспых-

1 Цит. по сборнику “Главный атаман. В плену несбывшихся надежд”.

нул слишком рано. До того как страну поглотила пучина революции, иностранной интервенции и гражданской войны, украинские партии почти не имели возможности работать с народной массой, наставляя ее в социалистической вере. Неограниченную пропаганду на селе в канун Первой мировой вели приверженцы малороссийской идеи — черносотенцы, в чьей идеологии антисемитизм служил едва ли не краеугольным камнем. Именно на Правобережной Украине, в цитадели российского шовинизма начала прошлого века, произошли самые кровавые погромы 1919 года.

Единственным известным атаманом, который твердо, хоть и не всегда успешно, удерживал войско от погромов и стремился выкорчевать антисемитизм из народного сознания, был Нестор Махно. Невысокого роста и не особо мощного телосложения, носивший то усы, то волосы до плеч, он повелевал самой многочисленной армией без государства в бывшей Российской империи — в лучшие времена она насчитывала 30–40 тысяч бойцов. Этот крестьянин-анархист верил в свои идеалы, как никто из атаманов. Его базой стало местечко Гуляйполе в теперешней Запорожской области, земледельческой глубинке между угольными шахтами Донбасса и железными рудниками Кривого Рога. В 1898 году из Донбасса в Кривбасс протянули железную дорогу, которая пересеклась с магистралью между Москвой и Крымом (на которой стоял Александровск — нынешнее Запорожье). Железнодорожные узлы превратили родину Махно в театр непрерывных боевых действий.

Партизаны ценили Махно не за его политическое кредо. Они посмеивались над идеологами анархизма, что нашли убежище у батьки (так по старому обычаю называли “отца-

атамана”). Крестьяне хотели переделить землю и остальное помещичье добро и ненавидели государственный аппарат, чьим бы он ни был, — в этом анархисты целиком с ними соглашались. Подобно запорожским казакам XVI–XVIII веков, Махно, гроза степей Приазовья и Причерноморья, к украинским властям севернее относился прохладно, если не откровенно враждебно. Подавляющее большинство махновцев были этническими украинцами, да и сам батька украинскую идею напрочь не отвергал — ее активно пропагандировала его жена-учительница, — но его видение анархической революции сложилось исключительно в рамках интернационализма.

Среди тех, кто сошелся в битве за Украину, Нестор Иванович только в большевиках находил достойных союзников. Ленин и Троцкий, однако, предали его трижды, в последний раз — как только разбили с помощью махновцев Русскую армию Петра Врангеля. Это были остатки белогвардейцев, сделавших Крым своей цитаделью. Правительство Врангеля на полуострове стало восьмым за время Гражданской войны. Открывает этот ряд Крымская народная республика, провозглашенная татарскими политиками 25 декабря 1917 года. Две волны эмиграции в Османскую империю снизили долю крымских татар на полуострове до 30% (по соседству жили русские, украинцы, греки, болгары, евреи и другие). Эта республика была одной из первых попыток создать в исламском мире светское государство — такой результат дали усилия культуртрегеров предыдущего поколения, и прежде всего Исмаила Гаспринского, архитектора современной крымско-татарской культуры. Впрочем, уже в январе 1918 года власть над Крымом захватили большевики. Они создали формально независимую ССР Тавриды — точку в ее недолгой истории поставили в апреле немецкие и украинские войска.

Оккупанты и не думали присоединять Крым к Украине, но гетман Скоропадский ввел экономическую блокаду и в сентябре принудил крымское правительство Сулькевича к вхождению в состав Украины на правах автономии. Этот договор в общем остался на бумаге — поражение Германии в ноябре 1918 года привело к образованию нового правительства. Возглавил его Соломон Крым, либеральный политик и караим по происхождению. Министром юстиции у него служил Владимир Набоков, отец знаменитого писателя. Но красные уже рвались к Перекопу. Еще в июле 1918 года они казнили на Урале Николая II и его семью. В апреле 1919 года несколько выживших членов императорского дома покинули свои летние резиденции близ Ялты и отправились в эмиграцию на борту британского дредноута “Мальборо”. В июне 1919 года Крым заняли белогвардейцы. В апреле 1920 года Деникин ушел в отставку с поста главкома Вооруженных сил юга России, и его сменил Врангель.

При Врангеле “юг России” сократился до размеров полуострова — в июне белые захватили еще и степи Северной Таврии по ту сторону перешейка. Вскоре надежды на успешное наступление на Москву развеялись как дым. Несмотря на поддержку Антанты, белые не могли противостоять красным. 8 ноября 1920 года Красная армия и ее союзники-махновцы атаковали Крым. Войска шли вброд, в ледяной воде Сиваша, и штурмовали укрепления белых на семикилометровом Перекопском перешейке. К 17 ноября они взяли все города на южном берегу Крыма. Врангель и его подчиненные эвакуировались в Стамбул. Тех, кто остался на родине, ждала невиданная даже по меркам тех времен расправа: погибло свыше 50 тысяч солдат и офицеров. Это преступление завершило череду зверств Гражданской войны, но стало всего лишь прелюдией кровавой истории советского режима на одной шестой части суши.

В марте 1921 года представители РСФСР, УССР и Польши заключили в Риге мирный договор, которым утвердили новую советско-польскую границу. Галичина и еще недавно российская Волынь остались в пределах Польши. Украину теперь поделили не два восточноевропейских игрока, как до Первой мировой войны, а четыре. Буковина еще в конце 1918 года попала под власть Румынии, Закарпатье отобразили у побежденной Венгрии и отдали Чехословакии, новому славянскому государству. Все западные соседи Украины: литовцы, поляки, чехи, словаки — избавились от чужеземной власти. Украинцы же, сколько бы ни проливали крови в борьбе за свободу, достигли только формальной автономии в союзе, где тон задавали русские.

Что привело к такому исходу? Среди множества причин неверно было бы не назвать сильных соседей, которым приглянулись украинские земли. Но главной стала незрелость национального движения и то, что в идею суверенной государственности с опозданием поверили подданные как Романовых, так и Габсбургов. Галичина к 1918 году, впрочем, почти единодушно приняла украинскую идентичность, отвергнув общерусскую. Но к востоку от Збруча за все годы Гражданской войны такого единодушия не достигли. Регионализм, наследие несхожих исторических судеб разных частей Украины, путал карты и Западной Украине. Строительство нации на Галичине, Закарпатье и Буковине развивалось далеко не гармонично. Не лучше обстояло дело и в УНР. Территория бывшей Речи Посполитой, бывшей Гетманщины показала куда больше симпатий к украинскому государству, чем степные просторы Юго-Востока. Города — особенно крупные города с меньшинством украинцев — в общем выпали из процесса борьбы за независимость. Ее опорой служили крестьянские массы.

Но с учетом всех преград, которые встали перед украинским проектом, стоит задаться и другим вопросом: как могло нарождавшееся национальное движение, чьи деятели впервые заговорили о независимости только на рубеже веков, а решились на этот шаг лишь в 1918 году, продвигаться так далеко в обстановке Восточной Европы того времени — среди бывших империй и национальных проектов, явно опережавших украинский? Революционная волна, поднятая Великой войной, и крах двух великих держав в 1917–1918 годах дали украинскому движению непредвиденный его сторонниками шанс — и этим шансом оно воспользовалось в полной мере. Украинцы вышли из кровавого хаоса мировой войны и последующей борьбы за независимость более сплоченными, чем в начале века. Несмотря на неудачную попытку создания самостоятельной и работоспособной общности из тех, кого не так давно разделял рубеж двух империй, идеал единого независимого государства прочно занял центральное место в новом украинском политическом кредо.